

Научная статья

УДК 343.8

Doi: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.301-312

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕР ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

Павел Владимирович Тепляшин¹

¹ Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru

Аннотация. Обеспечение личной безопасности осужденных является законодательно обусловленной и нормативно учтенной социальной возможностью и благом лица, отбывающего уголовное наказание. На межотраслевой сложный характер, комплексность и структурированность категории «личная безопасность осужденных» указывает, с одной стороны, отсутствие ее нормативной конкретизации, а с другой – ее широкое использование в доктринальной полемике. Обеспечение личной безопасности осужденных может быть сопряжено с противодействием достаточно широкому кругу угроз, одной из которых может выступать коррупционное поведение персонала учреждений уголовно-исполнительной системы. Рассмотрены основания применения мер личной антикоррупционной безопасности осужденных (социальные, нормативно-правовые, фактические (материальные), организационные), и сформулировано их определение. Данные меры должны представлять собой стандарты поведения, то есть совокупность специальных запретов, ограничений и обязанностей, закрепляемых в соответствующих нормативных правовых актах с целью противодействия коррупционным деяниям. В настоящее время требуется адаптация антикоррупционных правил поведения под такую целевую группу участников общественных отношений, как осужденные. Сделан вывод о тенденции частичного распространения на осужденных антикоррупционных стандартов поведения, которые имеют межотраслевой и собирательный характер (в образовательной, информационной и других сферах общественных отношений). В заключение указывается, что разработка теории антикоррупционных мер личной безопасности осужденных будет способствовать более высокой результативности исправительного воздействия на них и повышению эффективности противодействия правонарушениям в местах лишения свободы.

Ключевые слова: взятка, дисциплинарная ответственность, запрещенные предметы, ограничение контактов, правовое положение осужденных, уведомление о фактах склонения к коррупции

© Тепляшин П. В., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Для цитирования

Тепляшин П. В. Теоретические основы антикоррупционных мер личной безопасности осужденных, отбывающих лишение свободы // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 3. С. 301–312. DOI : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.301-312.

Original article

THEORETICAL FOUNDATIONS OF ANTI-CORRUPTION MEASURES OF PERSONAL SECURITY OF CONVICTS SERVING IMPRISONMENT

Pavel Vladimirovich Teplyashin¹

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru

Abstract. The article shows that ensuring the personal safety of convicts is a legally conditioned and normatively taken into account social opportunity and benefit of a person serving a criminal sentence. The absence, on the one hand, of a normative specification of the category “personal safety of convicts”, and on the other hand, its widespread use in doctrinal polemics, indicates its intersectoral complex nature and evaluability, complexity and structuring. It is proved that ensuring the personal safety of convicts can be associated with countering a fairly wide range of threats, one of which may be the corrupt behavior of the staff of institutions of the penal system. The grounds for the application of measures of personal anti-corruption security of convicts (social, regulatory, factual (material), organizational) are considered and their definition is formulated. These measures should represent standards of conduct, that is, a set of special prohibitions, restrictions and obligations enshrined in the relevant regulatory legal acts in order to counteract acts of corruption. It is summarized that at present it is necessary to adapt the anti-corruption rules of conduct to such a target group of participants in public relations as convicts. The conclusion is made, according to which there is a tendency to partially extend anti-corruption standards of behavior to convicts, which have an intersectoral and collective character (in educational, informational and other spheres of public relations). In conclusion, it is indicated that the development of the theory of anti-corruption measures of personal security of convicts will contribute to a higher efficiency of correctional impact on them and increase the effectiveness of countering offenses in places of deprivation of liberty.

Keywords: bribery, disciplinary responsibility, prohibited items, restriction of contacts, legal status of convicts, notification of facts of inducement to corruption

For citation

Teplyashin, P. V. 2022, ‘Theoretical foundations of anti-corruption measures of personal security of convicts serving imprisonment’, *Penal law*, vol. 17(1–4), iss. 3, pp. 301–312, doi : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.301-312.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Обеспечение безопасности выступает естественным стремлением любой социальной организации к самосохранению и дальнейшему развитию. На этом основании выработываются требования к национальной безопасности, ее содержанию и ожидаемым результатам. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации национальная безопасность предполагает состояние защищенности, при котором обеспечивается реализация ряда ключевых государственных, общественных и личных благ, включая конституционные права и свободы граждан. В ст. 2 Конституции Российской Федерации продекларировано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Осужденные представляют собой весьма многочисленную категорию лиц, в отношении которых допускается правомерное ограничение их естественных прав, а это, в свою очередь, самым тесным образом связано с вопросами личной безопасности. Следовательно, необходимо предусмотреть действенный механизм правового обеспечения исполнения уголовных наказаний, учитывающий достижения в области охраны прав осужденных и обеспечения их личной безопасности. Вопросы обеспечения личной безопасности осужденных выступают неотъемлемой составляющей постоянного развития уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации, поскольку состояние защищенности лиц, отбывающих уголовные наказания, способствует конструктивному применению средств исправления осужденных, выполнению задач, которые поставлены перед учреждениями, реализующими соответствующие меры уголовно-правового характера. Так, согласно п. 2 ст. 13 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон от 21 июля 1993 г. № 5473-1) одной из обязанностей учреждений, исполняющих наказания, выступает создание условий для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных. Кроме того, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года в разд. V «Совершенствование и гуманизация уголовно-исполнительной политики» закреплено, что развитие и систематизация законодательства Российской Федерации в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний, повышение эффективности обеспечения прав лиц, содержащихся под стражей и отбывающих наказания, предусматривают, кроме прочего, обеспечение безопасности осужденных. По сути, ст. 13 УИК РФ «Право осужденных на личную безопасность» предусматривает ряд положений, регламентирующих такую меру возможного поведения осужденных, как обладание и пользование ими благами личной защищенности от различного вида угроз. В специальных исследованиях этот аспект состояния защищенности именуется субъективным правом на безопасность, или совокупностью правомочий на безопасность [1, с. 25], что основывается на положении ч. 1 ст. 10 УИК РФ, в которой продекларирована обязанность Российской Федерации обеспечивать личную безопасность осужденных. Следовательно, обеспечение личной безопасности осужденных является законодательно обусловленной и нормативно учтенной социальной возможностью лица, отбывающего уголовное наказание. Данная возможность признается и декларируется стратегическими установлениями и руководящими идеями, положенными в основу отечественной уголовно-исполнительной политики, а механизмом ее обеспечения «является система мер по прогнозированию и пресечению угроз с помощью определенных ресурсов» [2, с. 47].

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Использование законодателем ст. 13 УИК РФ такого оборота, как «личная безопасность осужденного», указывает на законодательно учтенный характер данной категории и ее прочную связь с правовым статусом осужденного. Вместе с тем в соответствующих исследованиях отмечается тот факт, «что в ст. 13 УИК РФ не раскрыто ни содержание права осужденного на личную безопасность, ни понятие „личная безопасность“» [3, с. 93]. Отсутствие нормативной конкретизации категории «личная безопасность осужденных» свидетельствует о допустимости ее оценочной интерпретации. Однако широкое использование рассматриваемой категории как в законодательстве, так и в доктринальной полемике [4–6] указывает на ее межотраслевой сложный характер, комплексность и структурированность, востребованность для уголовно-исполнительных отношений и научную валидность.

Угрозы личной безопасности осужденных могут носить разнообразный характер. Как правило, личная безопасность осужденных понимается в узком категориальном смысле (первый подход), то есть как состояние защищенности осужденного от угроз его жизни и здоровью. Например, Л. В. Бакулина и Р. Н. Халилов указывают, что «личная безопасность осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, – это закрепленная законом возможность сохранения своей жизни и здоровья в период отбывания уголовного наказания» [7, с. 88]. Однако некоторые исследователи личную безопасность осужденных понимают в широком категориальном смысле (второй подход), а именно как состояние защищенности личности от таких источников опасности, как «распространение наркомании, плохие бытовые условия, некачественное медицинское обслуживание, недостаток медикаментов и как результат распространение хронических заболеваний, некриминальное насилие со стороны некоторых типов осужденных (моральное давление, издевательства, иные действия, ущемляющие достоинство личности), криминальные проявления, имеющие объектами посягательств элементы безопасности личности осужденного (общественно опасные деяния, посягающие на жизнь, здоровье, достоинство личности)» [8, с. 131]. Представляется целесообразным придерживаться второго подхода. Ведь круг реальных и вероятных источников опасности для личной безопасности осужденных точно нельзя определить, но если он (источник опасности) представляет действительную угрозу состоянию защищенности личности, то следует предпринимать все необходимые меры для ее нейтрализации либо ликвидации. В связи с этим нельзя не согласиться с позицией В. А. Уткина относительно того, что «угроза личной безопасности осужденных далеко не всегда связана с угрозой их жизни» [9, с. 137]. В свою очередь, О. В. Пронина верно указывает, что «неслужебные связи сотрудников исправительных учреждений с осужденными», «взаимоотношения между осужденным и персоналом, морально-психологический климат, степень возможного влияния на лиц, отбывающих наказание, имеют непосредственное отношение к возможности совершения осужденными и сотрудниками учреждений противоправных действий в отношении осужденных» [10, с. 132, 134]. Следовательно, обеспечение личной безопасности осужденных может быть сопряжено с противодействием достаточно широкому кругу угроз – от физического насилия, психического давления до риска быть вовлеченным в коррупционное правонарушение.

Обеспечительные меры также обладают сложным содержанием и выступают, по сути, ответной реакцией на установленные угрозы личной безопасности осужденных. По смыслу ч. 3 ст. 13 УИК РФ они в первую очередь сводятся к переводу осужденного в безопасное место, но могут состоять также в «иных мерах» либо, как закреплено в п. 27

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

разд. IV «Обеспечение личной безопасности осужденных к лишению свободы» Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110, в «иных мерах, устраняющих такую угрозу». По мнению О. В. Прониной, «к иным мерам можно отнести следующие меры воспитательного характера к лицам – источникам опасности: убеждение, торможение отрицательного поведения, предварительное изучение характера взаимоотношений между осужденными, выявление неформальных лидеров... разобщение участников конфликта... ограничение контактов с «внешним миром»» [11, с. 116–117]. Можно поддержать предлагаемые варианты иных мер, но следует критически отнестись к некоторой эфемерности и неопределенности некоторых из них (например, убеждения).

Допустимо также содержание иных мер раскрывать через меры, содержащиеся в ч. 2 ст. 14 «Обеспечение безопасности защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания» Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»:

1) направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящиеся в других субъектах Российской Федерации;

2) перевод защищаемого лица или лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей и отбывания наказания в другое;

3) раздельное содержание защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия;

4) изменение защищаемому лицу меры пресечения или меры наказания в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

В силу нормативного установления, закрепленного в ч. 1 ст. 82 УИК РФ, о том, что личную безопасность осужденных обеспечивает режим в исправительных учреждениях, к рассматриваемым мерам допустимо относить надзор за осужденными, применение технических средств контроля и надзора, меры профилактики и пресечения правонарушений (в частности, на основании положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), распорядок исправительного учреждения. В специальных исследованиях можно встретить иные варианты мер обеспечения безопасности осужденных [12, с. 160–161, 163–168].

Как представляется, в качестве одной из угроз личной безопасности осужденных может выступать коррупционное поведение персонала учреждений УИС, при котором коррупционный заряд направлен непосредственно на лицо, отбывающее уголовное наказание. Речь идет о такой разновидности коррупционного поведения сотрудника, при которой получение им незаконной прибыли обусловлено объективной потребностью осужденного, отбывающего лишение свободы, в получении запрещенных предметов или вещей либо оказании ему запрещенной услуги. В данной ситуации «спрос» закономерно порождает «предложение», причем инициатором коррупционной сделки выступает сотрудник, предлагающий за вознаграждение свои должностные возможности для удовлетворения противоправных потребностей осужденного. Подобная незаконность и безнравственность поведения сотрудника заставляет осужденного принять поступившее предложение коррупционного характера. В связи с этим следует поддержать С. А. Сивцова, который отмечает, что сотрудники «уголовно-исполнительной системы

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

как с юридической, так и с моральной точки зрения не должны допускать совершения коррупционных деяний, так как их служебная деятельность связана с каждодневным процессом исправления преступивших закон лиц» [13, с. 69]. Кроме того, данные «коррупционные нарушения могут быть связаны с предоставлением условно-досрочного освобождения, незаконных льгот и послаблений в режиме» [14, с. 65].

С определенной степенью условности можно утверждать наличие коррупционного тандема между осужденным и сотрудником УИС. Правовым препятствием для невозможности формирования данного тандема выступает не только уголовно-правовой запрет на ряд преступлений коррупционной направленности, но и предусмотренные ведомственными правовыми актами обязанность и механизм уведомления работодателя сотрудником о фактах его склонения к совершению коррупционных действий. Вместе с тем соответствующие исследования показывают, что «зачастую обязанность сотрудников по уведомлению о фактах их склонения к коррупции не исполняется ими» [15, с. 30].

Судебная практика свидетельствует о наличии ситуаций, при которых должностное лицо УИС предлагает осужденному вступить с ним в преступный сговор на совершение коррупционного преступления. Так, «у В. [начальник караула пожарной части ФКУ ИК-3, капитан внутренней службы], находящегося на территории ФКУ ИК-3, расположенного по адресу... из корыстных побуждений возник преступный умысел на получение от отбывающего наказание в ФКУ ИК-3 осужденного М. лично взятки в виде денег в сумме 20 000 (двадцать тысяч) рублей за совершение незаконных действий в пользу взяткодателя М., а именно за незаконную передачу В. осужденному М. двух сим-карт сотового оператора «Теле2» и наушников от мобильного телефона, являющихся комплектующим к средствам связи, пакета с семенами подсолнечника и орехами в обход установленного порядка получения осужденными продуктов питания на территории ФКУ ИК-3... Реализуя задуманное, находясь в указанное время в указанном месте, В. предложил М. перечислить денежные средства в оговоренном размере на счет банковской карты... открытой на имя... в дополнительном офисе ПАО «Сбербанк»... расположенном по адресу... и находящейся в пользовании у В., за совершение В. вышеуказанных действий в пользу М... Таким образом, В. в период с... до... являясь должностным лицом, находясь на территории ФКУ ИК-3, расположенном по адресу... из корыстных побуждений получил от отбывающего наказание в ФКУ ИК-3 осужденного М. лично взятку в виде денег в сумме 19 600 (девятнадцать тысяч шестьсот) рублей за совершение незаконных действий в пользу взяткодателя М.»¹.

Фиксация данного вида угроз личной безопасности осужденных позволяет обратиться к мерам, ее устраняющим. Необходимо отметить, что в криминологической доктрине уже разработаны методологические основы антикоррупционной теории мер безопасности [16]. Согласно указанной теории меры безопасности – это «меры некарательного ограничения поведения физических, деятельности юридических лиц, организаций, объединений, социальных групп и государств, применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности либо ограждения объекта усиленной охраны от вредного влияния любых источников опасности» [17, с. 43]. Данная теория ориентирована преимущественно на обеспечение антикоррупционной безопасности должностных лиц, в том числе сотрудников УИС.

¹ Приговор Первомайского районного суда г. Новосибирска № 1-15/2020 1-307/2019 от 26 мая 2020 г. по делу № 1-15/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cfkkfcalxiqgh/?regular-txt> (дата обращения: 26.07.2022).

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В рамках антикоррупционной теории мер безопасности существуют специальные запреты, ограничения и обязанности сотрудников и работников УИС, реализуемые с целью недопущения фактов коррупционных деяний в сфере исполнения уголовных наказаний. Антикоррупционные меры безопасности предполагают правила поведения и санкции, обладают сложной структурой и формируются на основе правовых источников различного уровня. Система мер включает в себя: 1) меры ответственности; 2) меры защиты; 3) меры восстановления; 4) меры поощрительно-стимулирующего характера. Реализация именно такой системы мер выступает авангардным направлением развития результативной антикоррупционной политики в УИС.

Данные антикоррупционные меры безопасности имеют существенный потенциал своего развития и обладают возможностью их экстраполирования на правовые «бастионы» противодействия коррупционным угрозам личной безопасности осужденных. Следовательно, осужденных как участников уголовно-исполнительных отношений, которые их будут применять, допустимо именовать субъектами самозащиты. Меры личной антикоррупционной безопасности заключаются в использовании такими субъектами средств защиты своих прав от противоправных посягательств коррупционного характера.

В пределах таксономической горизонтали основания реализации мер личной антикоррупционной безопасности могут быть социально-криминологическими, нормативно-правовыми, фактическими (материальными) и организационно-правовыми. Например, реализация мер безопасности, по мнению Н. В. Щедрина, сопряжена с возникновением фактического (материального) основания, которым выступает «юридический факт, с наличием которого закон связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений безопасности. Классификация материальных оснований мер безопасности органично вписывается в классификацию юридических фактов, которая разработана в общей теории права: события и действия» [18, с. 88]. В рамках таксономической вертикали выделяется четыре уровня «оснований для введения и применения предупредительных ограничений: социальное, нормативное, фактическое и организационное» [19, с. 48].

Итак, меры личной антикоррупционной безопасности осужденных могут быть реализованы при наличии соответствующих оснований. Для понимания общей правовой канвы и юридической природы мер личной антикоррупционной безопасности осужденных целесообразно привести следующие основания:

– социальные основания – потребности общества и государства как в защите отношений, существующих в сфере исполнения уголовных наказаний, от вредоносных (влекущих за собой меры дисциплинарного воздействия) или даже общественно опасных (приводящих к реализации мер уголовной ответственности) посягательств, так и в создании препятствий для вовлечения осужденных в коррупционные связи. Социальное основание предусматривает предотвращение опасности, которую несет коррупция для качества исправительного воздействия на осужденного. Такое предотвращение осуществляется в том числе посредством повышения правосознания осужденных и формирования у них культуры антикоррупционного поведения;

– нормативно-правовые основания – предусмотрены соответствующими нормативными и подзаконными правовыми актами. Например, п. 4 ст. 13 Закона от 21 июля 1993 г. № 5473-1 в качестве одной из обязанностей учреждений, исполняющих наказания, закрепляет обеспечение охраны здоровья осужденных. Законодательный учет данной превентивной нормы, по сути, устраняет возможность создания дополнительного финансового обременения для осужденных и их родственников либо близких лиц,

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

тем самым исключая вероятность злоупотребления со стороны соответствующих сотрудников и работников УИС;

– фактические (материальные) основания – юридические факты, с установлением которых соответствующее правовое предписание запускает механизм возникновения, изменения или прекращения правоотношений безопасности. Например, сотрудник склоняет осужденного вступить в коррупционные отношения, предлагая ему передачу денежной суммы под условием получения последним запрещенных предметов или вещей либо оказания ему запрещенной услуги. Уголовно-исполнительное законодательство прямо не предусматривает обязанность осужденного уведомлять руководство исправительного учреждения о подобной ситуации. Следовательно, осужденный обладает только правом заявить о данной ситуации, которая представляет собой совершенный юридический факт в виде деяния (действия);

– организационные основания – акты применения права, конкретизирующие субъективные права и обязанности сторон в правоотношениях безопасности [16, с. 127–132]. Данными сторонами выступают осужденный и сотрудник (работник) исправительного учреждения. Организационное основание обуславливает применение антикоррупционных санкций безопасности.

Можно сформулировать следующее определение антикоррупционных мер личной безопасности осужденных в пенитенциарной среде – это меры принудительного ограничения поведения участников уголовно-исполнительных отношений, применяемые при наличии указанных в правовых актах оснований и имеющие целью защиту субъектов самозащиты от вредоносных либо общественно опасных коррупционных деяний.

Обращаясь к антикоррупционным правилам личной безопасности осужденных, необходимо отметить, что они сводятся к законодательно регламентированной модели поведения соответствующего участника уголовно-исполнительных отношений. Данная модель фактически должна представлять собой совокупность специальных запретов, ограничений и обязанностей, закрепляемых в соответствующих нормативных правовых актах с целью противодействия коррупционным деяниям. Хотя следует отметить, что в отдельных исследованиях антикоррупционные стандарты поведения относятся к средствам антикоррупционной безопасности [20, с. 94], что, однако, не колеблет представлений относительно их важной роли в обеспечении системы правовой теории мер безопасности.

Обратим внимание также на то обстоятельство, что антикоррупционные стандарты поведения выступают обобщенным (групповым) понятием применительно к антикоррупционным запретам, ограничениям и обязанностям, которые, по сути, являются содержательным каркасом правил антикоррупционной безопасности. Как представляется, формирование антикоррупционных стандартов поведения осужденных еще находится на зародышевом этапе своего развития. В настоящее время требуется тщательная проработка и адаптация антикоррупционных правил поведения под такую целевую группу участников общественных отношений, как осужденные. Однако уже обнаруживается тенденция частичного распространения на осужденных таких антикоррупционных стандартов поведения, которые имеют межотраслевой и собирательный характер. Речь идет о тех общественных отношениях, с которыми осужденные соприкасаются в процессе отбывания уголовного наказания, – образовательные (в частности, запрету на принятие преподавателем подарков в процессе приема экзамена корреспондирует обязанность обучающегося воздержаться от акта дарения), информационные (запрет на распространение должностными лицами конфиденциальных данных об осужденном также

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

предполагает обязанность последнего принимать меры по защите соответствующей информации, что в том числе соответствует требованиям п. 2 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») и иные отношения. Таким образом, распространение антикоррупционных стандартов поведения на работников УИС предполагает их условную корреляцию с правовым положением осужденных.

Антикоррупционные санкции безопасности в рассматриваемой области общественных отношений фактически не обладают какой-либо спецификой и сводятся к мерам ответственности осужденных за коррупционные правонарушения – административной, дисциплинарной, уголовно-исполнительной (по сути, специальной по отношению к общедисциплинарной ответственности граждан) и уголовно-правовой. При этом существующие отдельные компоненты санкций безопасности (например, предусмотренная ч. 6 ст. 96 УИК РФ отмена постановлением начальника исправительного учреждения права осужденного на передвижение без сопровождения по причине нарушения им специальных запретов, содержащих элементы коррупционного поведения) не дают достаточных оснований для их юридической определенности и признания антикоррупционными. Специально предусмотренные антикоррупционные санкции безопасности, применяемые в отношении осужденных, существуют лишь гипотетически и могут выступать объектом перспективных научных исследований. Более того, рассмотрение санкций антикоррупционной безопасности осужденных сквозь призму их юридической определенности дает возможность решить сложные научные задачи, находящиеся на стыке криминологической доктрины, теории уголовно-исполнительного и административного права, способствует оптимизации правового статуса лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, и приближает правоприменителя к результативному решению назревших проблем в сфере профилактики правонарушающего поведения в местах лишения свободы.

В качестве вывода необходимо указать на стратегическую важность разработки теории антикоррупционных мер личной безопасности осужденных, поскольку это, во-первых, будет способствовать гармонизации и содержательной завершенности общей доктрины антикоррупционной теории мер безопасности, во-вторых, повысит эффективность противодействия правонарушениям в местах лишения свободы, обеспечит более высокую результативность исправительного воздействия на лиц, осужденных к данному виду уголовного наказания, а также более полное соблюдение прав лиц, содержащихся в исправительных учреждениях.

Список источников

1. Галузин А. Ф. Теория и практика пенитенциарной безопасности личности, общества, государства : монография. М. : Бриз, 2012. 224 с.
2. Казак Б. Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы : монография / под ред. С. Н. Пономарева, С. А. Дьячковского. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2001. 324 с.
3. Цаплин И. С. Правовые и организационные вопросы обеспечения личной безопасности осужденных при исполнении наказаний // Закон и право. 2018. № 12. С. 90–96.
4. Елисов П. П. К вопросу об обеспечении личной безопасности осужденных, сотрудничающих с оперативными подразделениями учреждений уголовно-исполнительной системы на конфиденциальной основе // Закон и право. 2022. № 5. С. 142–144.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

5. Нурғалиев Б. М., Уалиев Е. С., Борецкий А. В. Обеспечение и реализация права осужденных на личную безопасность // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 61-3(61). С. 43–47.

6. Бакулин В. К. Классификация оснований обеспечения личной безопасности осужденных // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 ч. Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2020. Ч. 1. С. 26–28.

7. Бакулина Л. В., Халилов Р. Н. Современные проблемы правоохранительной деятельности в сфере обеспечения личной безопасности осужденных // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 1(11). С. 87–92.

8. Мартынова Е. В. Состояние обеспечения личной безопасности осужденных в исправительных учреждениях: анализ отдельных факторов // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 г. в Российской Федерации Года науки и технологий) : сб. доп. материалов. Рязань : Академия ФСИН России, 2021. С. 131–138.

9. Уткин В. А. Пенитенциарные права осужденных // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2. С. 134–142.

10. Пронина О. В. Факторы, способствующие возникновению угроз личной безопасности осужденных в исправительных учреждениях // Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы : материалы круглого стола с междунар. участием. Псков : Псков. фил. Академии ФСИН России, 2020. С. 128–138.

11. Пронина О. В. Обеспечение личной безопасности осужденных. Вопросы теории и практики // Современная пенитенциарная система Российского государства: от теории к практике и международным стандартам : материалы Межвуз. науч.-практ. конф. Псков : Псков. фил. Академии ФСИН России, 2021. С. 113–118.

12. Усеев Р. З. Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы: теоретико-правовые и организационные аспекты : монография. Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2017. 220 с.

13. Сивцов С. А. Комплексная стратегия противодействия коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 1. С. 66–72.

14. Локтионова Е. А. Криминологическая составляющая служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 1. С. 63–68.

15. Татаринов Р. А. Правосознательность сотрудников уголовно-исполнительной системы как условие выявления и раскрытия дачи взятки за совершение заведомо незаконных действий по доставке запрещенных предметов в пенитенциарные учреждения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 10. С. 29–32.

16. Щедрин Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1999. 180 с.

17. Щедрин Н. В., Кылина О. М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2006. 120 с.

18. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности / под ред. Н. В. Щедрина. Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2010. 324 с.

19. Щедрин Н. В. Пределы предупредительной деятельности // *Lex Russica*. 2018. № 9. С. 39–53.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

20. Панарин Д. А., Скиба А. П. Некоторые вопросы нормативно-правового регулирования спорных правоотношений в сфере антикоррупционной безопасности // Вестник Кузбасского института. 2017. № 1(30). С. 88–95.

References

1. Galuzin, A. F. 2012, *Theory and practice of penitentiary security of the individual, society, state: monograph*, Breeze, Moscow.
2. Kazak, B. B. 2001, *Security of the penal system: monograph*, S. N. Ponomarev, S. A. Dyachkovsky (eds), Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, Ryazan.
3. Tsaplin, I. S. 2018, 'Legal and organizational issues of ensuring the personal safety of convicts in the execution of sentences', *Law and Law*, iss. 12, pp. 90–96.
4. Yeliso, P. P. 2022, 'On the issue of ensuring the personal safety of convicts cooperating with operational units of institutions of the penitentiary system on a confidential basis', *Law and Law*, iss. 5, pp. 142–144.
5. Nurgaliev, B. M., Ualiev, E. S. & Boretsky, A. V. 2020, 'Ensuring and realizing the right of Convicts to personal Safety', *National Association of Scientists*, iss. 61-3(61), pp. 43–47.
6. Bakulin, V. K. 2020, 'Classification of grounds for ensuring personal security of convicts', in *Penitentiary security: National traditions and foreign experience: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, in 2 vols, vol. 1, pp. 26–28, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara.
7. Bakulina, L. V. & Khalilov, R. N. 2021, 'Modern problems of law enforcement in the field of ensuring the personal safety of convicts', *Ius Publicum et Privatum*, iss. 1(11), pp. 87–92.
8. Martynova, E. V. 2021, 'The state of ensuring the personal safety of convicts in correctional institutions: an analysis of individual factors', in the *V International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (timed to coincide with the Year of Science and Technology in the Russian Federation in 2021): collection of additional materials*, pp. 131–138, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan.
9. Utkin, V. A. 2020, 'Penitentiary rights of convicts', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 2, pp. 134–142.
10. Pronina, O. V. 2020, 'Factors contributing to the emergence of threats to the personal safety of convicts in correctional institutions', in *Topical issues of ensuring the security of the penal enforcement system: materials of the round table with international participation*, pp. 128–138, Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov.
11. Pronina, O. V. 2021, 'Ensuring the personal safety of convicts. Questions of Theory and Practice', in *The Modern Penitentiary System of the Russian State: from theory to practice and international standards: materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference*, pp. 113–118, Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov.
12. Useev, R. Z. 2017, *Ensuring the security of the penal system: theoretical, legal and organizational aspects: monograph*, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara.
13. Sivtsov, S. A. 2021, 'Comprehensive strategy for combating corruption in the penal enforcement system of the Russian Federation', *Vedomosti of the Penal Enforcement system*, iss. 1, pp. 66–72.
14. Loktionova, E. A. 2021, 'Criminological component of the official activities of employees of the penal enforcement system', *Union of Criminologists and Criminologists*, iss. 1, pp. 63–68.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

15. Tatarinov, R. A. 2016, 'Legal awareness of employees of the penal enforcement system as a condition for detecting and disclosing bribery for committing knowingly illegal actions for the delivery of prohibited items to penitentiary institutions', *Vedomosti of the Penal Enforcement system*, iss. 10, pp. 29–32.

16. Shchedrin, N. V. 1999, *Introduction to the legal theory of security measures: monograph*, Krasnoyarsk State University, Krasnoyarsk.

17. Shchedrin, N. V. & Kyлина, O. M. 2006, *Security measures for the protection of power and protection from it*, Krasnoyarsk State University, Krasnoyarsk.

18. Shchedrin, N. V. (ed.) 2010, *Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures*, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

19. Shchedrin, N. V. 2018, 'Limits of preventive activity', *Lex Russica*, iss. 9, pp. 39–53.

20. Panarin, D. A. & Skiba, A. P. 2017, 'Some issues of regulatory regulation of controversial legal relations in the field of anti-corruption security', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 1(30), pp. 88–95.

Информация об авторе

П. В. Тепляшин – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

P. V. Teplyashin – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 09.08.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 08.09.2022.